

Рецензии

АЛЕКСЕЙ С. ТИТКОВ

МВШСЭН, Москва, Россия

Петушинные бои на «Энфилде»: Анатомия ритуала познания

Рецензия на книгу: Кричли С. (2018)

**О чем мы думаем, когда
думаем о футболе, М.: КоЛибри;
Азбука-Аттикус**

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-231-246

231

О чем мы думаем, когда думаем о футболе?» — по заглавному вопросу можно догадаться, что ответом будет: «гораздо больше, чем о футболе», обо всем на свете. Ответ, что футбол, возможно, «дает нам привилегированный доступ к постоянному пониманию того, что значит быть человеком в этом мире» [с. 33], в этом смысле ничем не удивляет. К счастью, ключевой вопрос книги можно переформулировать на менее очевидный: «как мы думаем с помощью футбола».

Титков Алексей Сергеевич — социолог (Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2010), кандидат географических наук (Институт географии РАН, 2008), научный сотрудник Центра изучения фольклора и антропологии города Московской высшей школы социальных и экономических наук, доцент философско-социологического факультета РАНХиГС. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Alexey S. Titkov — sociologist (The Moscow School of Social and Economic Sciences, 2010), candidate of science in human geography (Institute of Geogtaphy, Russian Academy of Sciences, 2008). Research fellow at the Centre for Folklore and Urban Anthropology Studies, The Moscow School of Social and Economic Sciences. Associate professor, Faculty of Philosophy and Sociology, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: a-titkov@yandex.ru

Текст подготовлен в рамках проекта Российского научного фонда «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

Acknowledgments: This paper was financially supported by the Russian Scientific Foundation (RNF), grant # 16-18-00068 “Mythology and ritual behavior in contemporary Russian city”.

Саймон Кричли, английский философ из нью-йоркской New School for Social Research — и, как мы узнаем из книги, болельщик «Ливерпуля» — знаком русскому читателю не сколько своими строго академическими работами, посвященными Деррида, Хайдеггеру и Левинасу, сколько популярными книгами для широкой публики. В прошлом году по-русски вышли «Книга мертвых философов» (оригинальное издание в 2008 г.) и «Боуи» (2014 г.). Теперь к ним добавилась написанная в том же популярном жанре книга о футболе (2017 г.). Читатель, к которому обращается Кричли, свободно ориентируется в том, кто такие Зидан и Билл Шенкли, но нуждается в вводных пояснениях когда речь заходит о феноменологии, герменевтике, Мишеле Серре, «Рождении трагедии» Ницше или «летучей мыши» Нагеля.

Другими словами, это вдумчивый квалифицированный болельщик (главный герой всего текста) без специального философского образования. Насколько популярным получился текст, можно спорить. Британский ежемесячник «When Saturday Comes», ориентированный на тех же «умных футбольных болельщиков», в рецензии на книгу Кричли без всякого удовольствия замечает, что заумные слова наподобие «парресии», «мимесиса» и «коммодификации» появляются в тексте слишком часто, заставляя читателя в самые трудные моменты тянуться к парацетамолу от головной боли. Так это или нет, — пожалуй, все-таки не так, — для нас не главное по сравнению с вопросом, чем сочинение Кричли может быть полезно специалистам по социальным наукам.

232

Интерес к этой небольшой глянцевої книжке станет более понятным, если поместить ее в ряд с текстами хорошо знакомыми, но тоже подходящими, хотя бы формально, под категорию «книжных новинок». Первый из них — «Глубокая игра» Гирца, переизданная в карманной «хипстерской» серии музея «Гараж», другой — подготовленные сразу двумя издательствами («Дело» и «Элементарные формы») легендарные «Элементарные формы религиозной жизни» Дюркгейма. Сквозной сюжет всех трех книг один — игры и ритуалы, которые делают возможным человеческое познание. Сюжет с играми или ритуалами познания для социологии, возможно, не магистральный, но по крайней мере заслуженный, с хорошей родословной. В поколении классиков похожую тему разрабатывал, кроме Дюркгейма, еще и Зиммель в известном эссе «Общение» (Geselllichkeit) из его поздних «Основных вопросов социологии». Кричли не социолог и лишь в редких эпизодах соприкасается с привычной нам социологией спорта, но и феноменологическая традиция, на которую он опирается, для нас тоже не чужая.

Болельщики и другие

Основное содержание текста Кричли можно определить как феноменологию переживания футбольного болельщика. «Я страстно влюб-

лен в футбол (...), я предпринимаю попытку описать эту страсть с помощью единственных доступных мне средств: философских концепций и текстов» [с. 33-34] — определяет свой замысел автор.

Феноменология здесь имеется в виду прежде всего в общем философском смысле как направление, которое, по определению автора, старается «максимально приблизиться к структуре, текстуре и экзистенциальной матрице опыта в том виде, в котором он был получен» [с. 33-34]. Отношения между опытом футбольного болельщика и навыками континентального философа в книге, если приглядеться внимательно, двухсторонние. Сочинения Сартра, Мерло-Понти, Гадамера, Хайдеггера, Ницше, Серра, Хабермаса, конечно, подсказывают Кричли подходящие слова и теоретические аргументы, — но в некоторых важных моментах, наоборот, опыт футбольного фаната заставляет автора оспаривать своих великих предшественников.

Футбольный опыт, к примеру, заставляет Кричли «категорически не согласиться» с предлагаемой Гадамером, вслед за многими другими, интерпретацией аристотелевского катарсиса как «очищения», и таким же традиционным пониманием катарсиса в связи с нравственным воспитанием. Вполне вероятно, говорит Кричли-болельщик, что «катарсис мог быть таким же простым явлением, как перепады настроения, как всплеск эмоций через драматическое действие, после которых мы не чувствуем ничего особенного, а возвращаемся к нашей повседневной жизни» [с. 96]. Приравнивая футбольных фанатов к зрителям античной трагедии, Кричли не только помещает футбольное боление в привычную для европейской философии схему описания, но и, наоборот, через опыт футбольного боления заново осмысляет классическую тему трагедии.

Определение «феноменология футбольного болельщика» справедливо еще и в том отношении, что опыт боления, собственный авторский и читательский, действительно становится самым важным источником как для аргументации Кричли, так, наверное, и для оценки ее убедительности при чтении. Узнавание, радостное или удивленное, в наблюдениях Кричли фрагментов собственного опыта — один из возможных «побочных эффектов» чтения книги. Вспомнить, как в детстве во время игры громко комментировал свои действия и действия партнеров в стиле «взрослого» футбольного репортажа [с. 130], заново пережить чувство «слишком реального, гиперреального» [с. 63-64] футбольного поля на заполненном большом стадионе, особенно когда попадаешь на него в первый раз. Такого рода моменты, если они встречаются, составляют, наверное, существенную часть убедительности — не научной, более личной — аргументов автора.

Книга Кричли не только о болельщиках, игроки и тренеры тоже стали частью его «поэтики футбола», но разница между первыми и последними заметна. Опыт болельщика понимается Кричли как знакомый, непосредственно доступный в равной мере и ему, и читателям. Опыт игрока и тренера анализируется уже опосредованно с помощью фильмов, книг, медийных интервью. Феноменология футбольного боления получилась по-настоящему развернутой, хорошо аргументированной. Сюжеты, посвященные игрокам и тренерам, намного более сжатые, причем «тренерская» часть, по правде говоря, еще и малоинтересная. Тренер берет на себя роль хранителя футбольных традиций, блюстителя моральных правил, много работает, внушает игрокам уважение или страх [с. 138-140], тренер придает команде форму и стиль [с. 172] — такого рода наблюдения мало что добавляют к нашему обыденному знанию о футбольных тренерах, какими они должны быть. Обширные очерки, отведенные Зидану-тренеру и Юргену Клоппу, посвящены в большей мере переживанию времени, общему для игроков, фанатов и всех включенных в игру, чем хоть чему-то специфически тренерскому.

234

Хуже всего с футбольными судьями — понять их переживания Кричли даже не пробует. «Каково быть футбольным мячом», по аналогии с «Что значит быть летучей мышью» Нагеля, автор еще пытается выяснить [с. 69-70]. Каково быть футбольным судьей (наверное, совсем экзотический опыт) — об этом вообще ни слова.

В целом Кричли оставляет мало сомнений в том, что вынесенные в название книги «мы, которые думают о футболе», — это прежде всего футбольные болельщики на стадионах. Важно подчеркнуть, что Кричли интересуют не болельщики сами по себе, а болельщики, включенные в игру, болельщики как часть игры. Именно игра, как будет видно далее, выступает главным героем книги. «Мы» и «наши мысли» (и болельщиков, и игроков) — в конечном счете производные от игры в ее сущностном выражении.

Кричли в своей двойной роли философа и болельщика разрывается, кроме того, между двумя полярными позициями — зрителя, влюбленного в игру, и социального критика. Социализм и капитализм, утопизм и цинизм, восторг и ужас — полярностями футбола книга начинается (глава «Социализм»), ими же она заканчивается (глава «Отвращение»). В качестве критика Кричли замечает в футболе автократию и коррупцию, «грязные» деньги, связь футбола с насилием, расизмом, колониализмом, агрессивным национализмом, патриархальностью, патернализмом, культом «крутых парней» (laddism). Отвращение, которое автор испытывает к «тошнотворным и ужасающим» сторонам футбола, включает в себя и «отвращение к себе за то, что мы очарованы и захвачены

этим зрелищем» [с. 176]. Критика темных сторон футбола и поэтика, способная показать мощь и красоту игры [с. 27-30] — такковы главные полюса, определяющие направление мысли Кричли. Ответов, как обходиться с этими противоречиями, в книге сразу три: их можно назвать экзистенциальным, содержательным и композиционным.

Экзистенциальный ответ — никак. Противоречие надо принять как неразрешимую «гноющуюся рану» и страдать, испытывая сразу восторг и отвращение [с. 175-176]. Содержательный ответ, заявленный практически сразу, но так и не раскрытый с достаточной полнотой, состоит в том, чтобы различать форму футбола и его содержание (материю). Оптимальная форма футбола — социализм коллективной игры, сотрудничество игроков и общительность болельщиков. Материальный субстрат — капитализм с его часто сомнительными деньгами, предпринимательской логикой прибыли, «тотальной монетизацией», превращением всего в товар (коммодификацией), конкуренцией, цинизмом [с. 22-25, 175-176].

В противопоставлении социализма как формы и капитализма как содержания симпатии Кричли явно на стороне первой. Более общий вопрос, всегда ли для него форма связана с «красотой», а содержание с «ужасом», уже не так очевиден. Некоторые пассажи текста подсказывают ответ «да, обязательно». Кричли прямо говорит, что поэтика футбола, воспевающая его красоту, «более сфокусирована на форме», чем критика, обращенная скорее к материальному субстрату [с. 29]. Пиковые «моменты величия» в игре, наполненные страстью и восторгом, характеризуются «вспышкой формы игры над ее материей» [с. 183]. В других случаях предлагаемая Кричли критика футбола заставляют думать, что существенная часть «отвратительного» обнаруживается уже в формальном устройстве игры. «Структура игры с неизменным тренером в роли отца» подпитывает патриархат, патернализм и авторитаризм, футбольная «драма идентичности» оборачивается крайним национализмом, футбол с его правилами является «узаконенной кодификацией насилия... которое беспрестанно угрожает перелиться в насилие фактическое» [с. 177-178]. Такие случаи лучше описываются предлагаемой в книге формулой «красота не что иное, как начало ужаса» [с. 182]. В итоге мы можем уверенно сказать лишь о том, что оппозиции «форма — содержание» и «красота — ужас» обе важны для аргументации Кричли, но отношения между ними определены недостаточно ясно.

Наконец, последнее решение, чисто практическое и в лучшем случае временное, состоит в том, чтобы развести «критику» и «поэтику» по разным главам и посвятить основную часть книги «поэтике футбола» и его красоте, оставив за скобками критику и ужасы.

Драма и ее зрители

Феноменология футбола, которую предлагает Кричли, построена в большой степени на двух главных теоретических опорах — Гадамере («Истина и метод») и Хайдеггере («Время и бытие»). В первом приближении можно сказать, что Гадамер помогает описать устройство футбольной игры, структуру ритуала и его механику, тогда как Хайдеггер раскрывает переживание футбольной игры во времени.

Разработанная Гадамером [1988, с. 147-156] концепция игры и спектакля дает Кричли следующие ключевые положения его собственной модели:

- заявленные Гадамером «освобождение понятия игры от субъективного значения» и «примат игры в отношении сознания играющего» [Там же, с. 147-150] становятся для Кричли исходным пунктом: «ключом и отправной точкой здесь является сама игра, а не играющий в ней субъект», игра «не является вопросом индивидуального сознания» игрока, занимающего «объективное игровое поле» и язык отношений «субъект — объект» здесь не подходит [с. 53-54];
- понимание игры как особого типа движения, которое обновляется в бесконечных повторениях [Гадамер, 1988, с. 149], превращается у Кричли в два ключевых для него тезиса: игра «существует только когда она разыгрывается» [с. 82], причем существует в бесчисленных повторениях: «сущность футбола заключается в повторении: этой игре, в предыдущей и следующей» [с. 71-73]. Понимание футбола как бесконечной серии, в которой «ни одна из игр не является менее оригинальной, чем другие», приводит Кричли к демонстративному безразличию к истории и генеалогии футбола: «Футбол не связан пуповиной со своим первоисточником» [с. 72-73]¹;
- тезис Гадамера о спектакле как особом типе игры, в котором она превращается в представление для зрителя и соответственно обязанность мыслить игру и «осуществлять то, чем

236

1 Под занавес книги Кричли все-таки оставляет позицию вне истории, вступая в полемику с поздней работой Элиаса [Elias, Dunning, 1986], в которой появление футбола в Англии вписывается в знаменитую концепцию «процесса цивилизации». Элиас описывает переход от прямого насилия в гражданской войне XVII века к парламентской борьбе партий и затем как следующий шаг умиротворения, к кодификации спортивных правил современного типа. Видимую непоследовательность Кричли в этом пункте можно, впрочем, объяснить тем, что историческая связь между футбольными правилами и социальным насилием в его схеме интересна с точки зрения критики футбола, тогда как идея серии без начала и конца важнее для поэтики футбола, сосредоточенной на красоте его формы.

является игра» ложится на зрителей не в меньшей степени, чем на игроков [Гадамер, 1988, с. 154-155], позволяет Кричли развернуть его собственную феноменологию футбольного боления.

Итак, мир футбольной игры разделен для Кричли на две части: поле и трибуны, игроки и зрители. Определяя происходящее на поле, Кричли обращается к французской традиции: Сартр, Серр и Латур, Мерло-Понти.

Сартр («Критика диалектического разума») нужен для того, чтобы подчеркнуть командный характер футбола. Фрагмент Сартра, в котором он определяет организованную группу, сравнивая ее с футбольной командой [Sartre, 2004, p. 540], Кричли разворачивает в обратную сторону, описывая футбольную команду как сартровскую группу. Деятельность группы и индивидуальные действия игроков диалектически связаны друг с другом. Праксис игрока подчинен команде, существование игроков возможно лишь в команде, команда своей организацией позволяет игроку совершенствоваться, погружая его в организационную структуру [с. 19-20] — такого рода сартровские тезисы помогают Кричли обосновать его собственную идею о социализме как оптимальной политической форме футбола.

237

В итоге Кричли сводит «социализм» футбола к марксовской идее «свободной ассоциации людей» [с. 23], имея в виду, как можно догадаться, известную формулу из «Манифеста коммунистической партии»: «ассоциация, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Кричли здесь отсылает почему-то к первому тому «Капитала» — похоже на издержки цитирования по памяти). Доказывая «социальность» футбола, его способность побуждать людей общаться и сотрудничать, Кричли обращается также к историческому обозначению *association football* (отсюда сокращенное *soccer*) — получается, по его мысли, что «коммуникабельность как объединение» проникла даже в название игры¹.

Другие заимствования ближе к идее Гадамера об «освобождении игры от субъективности». Ранний Мерло-Понти («Структура поведения») и развивающий его идеи Стивен Коннор [Connor, 2011] акцентируют важность пространства игры. Разметка поля уже предусматривает определенные способы действия игроков, создает «направления силы», телесные интенции игроков, отправные точ-

1 Объяснение Кричли не совсем корректное: название «association football» означало не «ассоциацию игроков на поле», а «футбол по правилам Ассоциации футбола» в отличие от регби — «Rugby football», «футбол по правилам школы Регби» [Рум и др., 1978].

ки и ориентиры для игры [с. 43-45]. Поле игры, по Коннору и Кричли, поэтому никогда не бывает «просто объектом».

Гадамеровский уход от логики «субъект — объект» еще радикальнее проявляется в обращении к Серру (Parasite) и Латуру («Нового времени не было») с их идеями квазисубъектов и квазиобъектов, принадлежащих «среднему царству» (Серр) или «третьему миру» (Латур). Футбольный мяч оказывается для Кричли образцовым серровским квазиобъектом: «наполненный субъективными интенциями, зависший между одушевленным и неодушевленным» [с. 68-69]. В игре мяч «живет своей жизнью, и хороший игрок должен найти подходы к нему, наладить с ним контакт»; мяч и игрок, «похоже, обладают совместным интеллектом, базирующимся на их общей жизни» [Там же].

Показательным образом Кричли, характеризуя в разных частях книги мяч и игрока, обращается к пугающе близким метафорам: мяч чем-то похож на куклу чревоушателя, игрок — на марионетку. Кукла чувствует себя живой, когда говорит, точно так же, как мяч оживает, когда им начинают играть. Потенциал жизни и движения мы чувствуем даже в кукле, оставленной на чердаке, или в мяче, лежащем на полу или в шкафу [с. 69-70]. Марионетка из эссе фон Клейста [Клейст, 1977] проявляет свою телесную грацию из-за того, что «не имеет сознания совсем», — и, возможно, полагает Кричли, та же интуиция подходит к грации футболиста на поле [с. 132].

238

Разделение игры на игроков и зрителей Кричли описывает двумя разными способами, восходящими соответственно к Гадамеру («теория — практика») и Ницше («прекрасное — возвышенное»). Знаменитую ницшеанскую оппозицию аполлонического и дионисийского, прекрасного и возвышенного, Кричли переносит на отношения команды игроков и зрителей. Действия игроков представляют образ красоты, аполлоническое совершенство телесной формы. Коллективное пение фанатов, опьяняющий шум большой толпы создают матрицу возвышенного, из которого возникает игра, и «вот почему игра при пустых трибунах... это такая мерзость» [с. 83-86]. Взаимодействие между возвышенной музыкой и красивым образом, между фанатами и командой оказываются в этом отношении ключевым фактором для футбола [с. 87].

В отличие от ницшеанского различения гадамеровское подчеркивает не взаимную связь действий игроков и зрителей, а, наоборот, дистанцию между ними и неравнозначность их участия. Футбольные болельщики, как и зрители античного театра, — такие же теоросы, теоретики в изначальном греческом смысле. Зрители участвуют в игре посредством непрерывных актов внимания. Участие зрителя требует внимания на расстоянии, на «абсолютной дистанции» (Гадамер) между ним игроком, и требует от него самозабвения: мы

не следим за собой, мы смотрим на представление и лишь иногда осознаем себя смотрящими [с. 91-92].

Позиция зрителя в логике Гадамера и Кричли задает ему роль даже более важную, чем роль игрока. Спектакль разыгрывается для зрителя, футбол «не для игроков, а для нас, фанатов» [с. 93]. Быть игроком значит быть, говоря гегелевской терминологией, не «в себе», а «для нас», быть опосредованным через зрителей [с. 107]. Сущность игры, реализуемая в бесчисленных повторениях, должна быть узнанной со стороны зрителей: «Проходя мимо бара, мы узнаем: О, там матч!» [с. 71-72].

Ключевая роль зрителя становится возможной именно из-за его дистанции от происходящего: «игроки играют, но только фанаты видят всю картину» [с. 108]. Игроки «сливаются с игрой в одно целое», тогда как зрители на расстоянии «знают, как идет игра, и они знают, как, вероятно, она закончится» [с. 109-111]. Роль зрителя, продолжает Кричли античные аналогии, в чем-то подобна роли богов в греческой трагедии: наблюдать за действием, смотреть, как оно разыгрывается, и предвидеть все разыгрываемое [с. 111].

Положение «зрителя, видящего игру», определяет для Кричли еще одну ключевую характеристику футбольного фаната: его интеллект, сочетаемый парадоксальным образом с опьяняющим и заворуженным состоянием включенного и участвующего зрителя. Кричли сопоставляет футбольную толпу на стадионе с умной, компетентной и критически мыслящей публикой «эпического театра» Брехта [с. 112-113]. Стоит все-таки уточнить, что значительная часть интеллекта и компетентности футбольных фанатов, которой восхищается Кричли, проявляется, судя по его аргументам, не столько во время матча непосредственно, сколько в последующих, после игры, разговорах о ней.

Время и судьба

Критически важный для социальных наук сюжет о том, как соотносится игра или ритуал с «большим» миром за его пределами, Кричли разбирает менее подробно, но все-таки намечает оба значимых для этой темы направления: как игра отграничена от мира и как она с ним все-таки связана.

Из наших классиков мы помним, что, по Дюркгейму, сакральность ритуала определяется его отделением от повседневности и особой интенсивностью эмоций, но именно в этом отделенном от обычной жизни пространстве становится наглядно видимым и вообще чувственно переживаемым общество, в котором мы живем. По Зиммелю, игровые или чистые формы социального взаимодействия оторваны от прямого практического интереса, но при

этом связаны с «глубиной и целостностью подлинной реальности», из-за чего наблюдение игровых форм, участие в них, позволяет нам пережить наши глубинные жизненные проблемы [Зиммель, 1996].

В версии Кричли неповседневность футбола, его сакральное измерение определяется, слегка провокационно, через его «глупость». Глупость футбольного опыта связывается им не только с «потерей контакта с повседневным миром целей (*die Welt der Zwecke*)», когда во время игры мы переносимся в «другой мир, предельно тупой мир» [с. 101], но и с готовностью верить в сказки и утопии [с. 104]; с одержимостью бессмысленными, казалось бы, деталями, такими как цвет формы или статистика игры [с. 98-100]; с характерной для Глупости из «Похвалы» Эразма готовностью «выпаливать все, что взбредет в голову», как это делают футбольные болельщики со свойственной им парресией, свободой прямого, часто непристойного, высказывания [с. 100]. Глупость и притягательность — «в нашем добровольном подчинении чему-то бестолковому. Не говоря уже о том, какое невероятное количество времени все это отнимает» [с. 98].

240

Непрактичная увлеченность, над которой готовы посмеиваться даже сами футбольные болельщики, составляет, как мы помним, одну из ключевых характеристик «глубокой игры» Гирца, которую он обнаруживает в балийских петушинных боях; именно такой оттенок предосудительной неразумности Гирц заимствует у Бентама, первым предложившего этот термин [Гирц, 2017, с. 38-39]. Для Гирца, однако, не менее важна другая характеристика «глубокой игры», ее способность символически выражать ключевые ценности социальной жизни.

Глубинные значения, выражаемые в футбольные игре, для Кричли прежде всего соотносятся с «театром идентичности», семейной, городской или национальной [с. 76-77]. Такого рода связь между участием в ритуале (игре) и принадлежностью к семье, клану, деревне, другой общностью сама по себе кажется общим местом социологической и антропологической литературы, тех же Дюркгейма и Гирца. В аргументации Кричли интереснее другое: каким образом эта связь познается и переживается. Здесь ключевое значение приобретает понятие судьбы, к которому Кричли обращается с завидным постоянством. Футбол — это сцена, где иногда «воплощаются скрытые процессы судьбы, особенно национальной». Игроки и фанаты разыгрывают свою драму «под надзором сил судьбы» [с. 76-77]. В футболе «на несколько мгновений... ничто не мешает нам столкнуться... с непредсказуемой судьбой» [с. 53].

Судьба — базовая черта, объединяющая футбол с античным театром. Болельщики иногда могут предвидеть, как боги в античной трагедии, что действие, которое они наблюдают, «не чистая игра случая, а часть более масштабных козней судьбы» [с. 111]. Игроки не-

редко кажутся «игрушками судьбы, неспособными повлиять на ход драмы и изменить ее порой трагический конец, несмотря на все свои усилия». Неожиданные повороты игры, такие как решающий гол на последней добавленной минуте, воспринимаются нами как «судьба или неожиданное вмешательство свыше» [с. 169]. Подчинение судьбе, подчинение роковой драме, которая разыгрывается на наших глазах [с. 53, 77], — возможно, один из ключевых элементов «драмы идентичности», как ее понимает Кричли.

В нашей социологической традиции понятие судьбы — одно из когда-то ключевых на раннем этапе становления науки, особенно в ее немецкой версии, но затем утерянное в двух мировых войнах и теперь лишь эпизодически возникающее в современных исследованиях (историю понятия «судьбы» в социологии см. [Liebensohn, 1988]). Судьба в тексте Кричли не определяется напрямую, но может быть понята в значительной степени из его аргументации, посвященной переживанию времени, опыту и памяти, — возможно, самой разработанной части его текста.

Отношения подобия между временем игры (ритуала) и социальным временем сообщества, в котором она проводится, — мы, приученные социологической традицией, ждали бы скорее всего, именно такого развития аргумента. Петушиные бои происходят рывками, вспышками, как и сами балийцы живут рывками, в периодической пульсации значения и бессмысленности, периодов, когда «что-то» происходит и когда «ничего» не происходит, объяснял, к примеру, Гирц о своем варианте познающей игры [Гирц, 2017, с. 58-59]. Кричли в отличие от Гирца избегает прямых сравнений между временем игры и временем сообщества, сосредотачиваясь только на первом. Возможно, что в конечном счете для него ближе будет интуиция прямо противоположная: игра не «отражает» повседневную жизнь, а сама упорядочивает ее по своему образцу.

Впрямую Кричли нигде не высказывает такую радикальную трактовку, но первые подходы к ней дает намеченное одним штрихом соотнесение футбола со «сферой фантазии» в психоаналитическом смысле. Фантазия, уточняет Кричли, «не является ни выдумкой... ни объективной действительностью. Она структурирует и насыщает то, что мы считаем повседневной жизнью» [с. 63]. В этом смысле опосредующей и структурирующей роли футбол, по мысли Кричли, имеет общие черты с кино, которое тоже «в одно и то же время абсолютно реально и полностью вымышлено», а в еще больше степени с видеоиграми, игровыми симуляциями реальности, в которых граница между «симуляцией» и «реальностью» все больше стирается [с. 64-65].

Разрыв между переживанием времени в игре и повседневной жизни — важная, но относительно простая часть концепции Кричли. Матч как «временный разрыв рутины повседневности: экстатический, ми-

молетный, коллективный» [с. 122], «всплеск эмоций через драматическое действие, после которого мы... возвращаемся к нашей повседневной жизни» [с. 96] — знакомая нам отправная точка, близкая к дюркгеймовскому «кипению эмоций» (effervescence). Серийность, повторяемость футбольных событий («суть фестиваля в его систематическом повторении и бесконечном возвращении») и отграниченные 90 минутами рамки игры, задающие ее динамику наравне с пространственной разметкой [с. 90, 127-128] — тоже скорее часть аксиоматики, от которой мы можем отталкиваться. Главная линия, которую развивает Кричли, связана с неоднородностью течения времени в рамках игры.

В отличие от петушинных боев Гирца, от бейсбола или стендовой стрельбы (примеры Кричли) футбол включает в себя не только взрывные моменты, но и поток времени, «плавное, непрерывное и неуловимое» течение [с. 43]. Воздействие футбола связано в большой степени с изменениями в интенсивности переживания, изменениях в ощущении между этими двумя регистрами: моменты и поток. Нарезка основных моментов матча, сжатая в короткий телесюжет или видеоролик, может доставлять удовольствие, но по своему характеру это удовольствие будет мало похоже на переживания болельщика во время игры. Ключевую роль играет ожидание моментов в будущем, которое пока остается открытым и неопределенным: именно такое интенсивное ожидание отличает матч на стадионе или в прямом репортаже от матча в записи [с. 46-47].

242

Открытость будущего и интенсивность, часто мучительную, переживания игры связывает надежда, которая сохраняется каждый раз, когда время матча, хотя бы несколько минут добавленного времени, еще остается, и которая в другом масштабе возобновляется с каждым новым началом сезона. «Ужасный ядовитый коктейль предвидения и надежды» [с. 112], «не поражение убивает тебя, а постоянно возобновляемая надежда» [с. 147] — афористичными штрихами Кричли подчеркивает важность этой составляющей.

Контрасты между переживанием потока и переживанием момента Кричли описывает преимущественно в хайдеггеровских терминах. Чувственный экстаз после забитого мяча Кричли соотносит с «праздником жизни» Уильяма Джеймса: в состоянии крайнего возбуждения мы сливаемся в едином чувстве и переносимся из повседневности в высшие материи [с. 39-42]. Необходимость перейти от Джеймса к Хайдеггеру Кричли не объясняет сколько-нибудь явно (книгу вообще отличают слишком свободные переключения с одной теории на другую), но мы, возможно, сможем обнаружить причину во множественной неоднородности решающих моментов, которые, таким образом, не сводятся к состояниям радости и праздника.

Хайдеггер дает Кричли понятие момента (Augenblick), с которым в концепции «Бытия и времени» связывается возможность экстази-

са, выхода за пределы. Хайдеггеровский экстаз в отличие от ницшеанского Кричли трактует как твердое и достоверное видение Ситуации, трезвое понимание контекста нашего «вот-бытия» (Dasein) с его возможностями и ограничениями [с. 149-153]. Кричли напоминает о связи между Augenblick Хайдеггера и лютеровским пониманием «кайроса» из посланий апостола Павла, подходящего момента для веры и принятия. «Безумие увидеть Ситуацию такой, какой она есть», свойственное иррациональному акту веры, составляет для Кричли «то, что значит быть болельщиком» и испытывать в этом качестве религиозные, по сути, переживания [с. 164-165].

Время потока игры в свою очередь определяется отсылкой к другому хайдеггеровскому состоянию, тоже неповседневному: тревога (Angst), отличное от страха или беспокойства состояние радостного мужества, когда мы чувствуем себя наиболее живыми и полностью сфокусированы на восприятии происходящего [с. 163].

Память и сообщество

«Эпизодическое, беспорядочное, мерцающее» переживание игры приводит к тому, что разные ее фрагменты запоминаются в очень неравной степени. «На самом деле я не очень-то помню игру» — признается Зидан сразу после матча в одном из эпизодов фильма о себе [с. 127-128]. «Прошлое матча быстро забывается и иногда с трудом вспоминается» [с. 47], только иногда «память вспыхивает, выхватывает какой-то образ» [с. 128] — такова обратная сторона переживания «времени как экстаза» и времени как интенсивного потока.

Следующее, что интересует Кричли, — каким образом память об игре, ее моментах, сохраняется и передается. Ключевым оказывается то обстоятельство, что футбол — это игра, о которой много разговаривают. Футбол — это игра, в которой болельщикам свойственна парресия, состояние вольного говорения как вздумается и о чем вздумается (см. выше). Футбол — это игра, о которой «обычно мы имеем представление...по развернутым и весьма бессмысленным комментариям», где «переживание совершенно опосредовано и медиатизировано» [с. 130]. Футбол — это игра, которую болельщики охотно обсуждают друг с другом. Футбол для Кричли — убедительный пример дискурсивной рациональности, едва ли не единственная область человеческой деятельности, к которой применима концепция Хабермаса о делиберации и силе аргументов [с. 117].

Болельщики, подчеркивает Кричли, способны воспринимать аргументы других болельщиков даже из враждебных команд и менять свои взгляды под действием сильных аргументов [с. 119-120]. Академическая среда с ее подчеркнутым вниманием к культуре дискуссии, по оценке Кричли, отличается от среды болельщиков

в худшую сторону: в ней ситуации, когда кто-то менял свою позицию из-за убедительных аргументов оппонента, встречаются намного реже, чем в спорах футбольных фанатов [с. 121].

Наконец, способность жить ради «момента моментов», переживать эти моменты и готовность постоянно обсуждать игру соединяются в способности создавать историю, прежде всего историю своей команды. Большинство игр быстро и легко забывается, но то, что задерживается в памяти, дает болельщикам их опыт историчности, скрепляет коллективность сплоченной группы [с. 158]. Такая общая память состоит из серии моментов, победных или трагических. Память болельщиков составляет своего рода «живой архив смысла, огромный исторический резервуар, из которого можно почерпнуть... и который можно пополнить» [с. 169-172].

244

Так было, к примеру, в подробно описанном кубковом четвертьфинале «Ливерпуль» — «Боруссия», когда перед перерывом ответного матча на домашнем «Энфилде» ливерпульцы проигрывали два мяча (фактически три с учетом пропущенных домашних). Тренер хозяев Юрген Клопп убедил игроков, что пришло время «создать момент, о котором можно будет рассказать внукам», напомнив им, как десятью годами раньше тот же «Ливерпуль» сумел отыграть три мяча и выиграть серию пенальти в финале Лиге чемпионов. Ни игроки 2016 года, ни тренер команды не были участниками предыдущего «момента моментов», но память о нем создала образец, который вдохновил игроков в очередной похожей ситуации.

Такие решающие эпизоды, что важно для Кричли, действительно «рассказывают внукам». Кричли описывает, как футбол и «Ливерпуль» были главной темой разговора между ним и его отцом, между ним и его сыном, и «где-то внутри меня живет надежда, что мои внуки тоже станут болельщиками “Ливерпуля”» [с. 48-50].

Каким образом из множества переживаний, побед, разочарований, споров рассказов создается общая судьба — Кричли не дает точного рецепта, но, кажется, говорит достаточно, чтобы заинтриговать и побудить к тому, чтобы разрабатывать этот сюжет и дальше, может быть, не только в связи с футболом.

Как всегда, в переводных изданиях стоит сказать хотя бы немного о переводе. Из хорошего — он не помешает любоваться отличными, со вкусом подобранными, черно-белыми фотоиллюстрациями. Общее содержание, если не вдумываться и просто «плыть» по тексту, тоже передано сносно. Проблемы начинаются, если вы решите поработать с текстом в привычном академическом формате — в этом случае без английского оригинала вам скорее всего не обойтись.

Следы переводческой небрежности обнаруживаются с первой же главы, в которой, к примеру, «the movement of the socius» превращается в «движение социума» [с. 22], тогда как имелся в виду, судя

по контексту, марксовый индивид в его общественных связях или миниатюрная, размером не больше футбольной команды, «молекула» из связанных друг с другом индивидов. Из других переводческих загадок одни разгадываются относительно легко: «зритель находится на задумчивом (?) расстоянии от игры» [с. 107], «медитация (?) на природу образа» [с. 123], «концепция момента... имеет отчетливо религиозную каденцию» [с. 164], «футбол... может лицензировать (?) самые вопиющие формы трайбализма» [с. 176]; другие, как «рост популистского права» [с. 105] или «зритель — это превосходный член паритета игроков на поле» [с. 108], не так очевидны. Внимательный читатель, всерьез работающий с авторскими аргументами, наверняка найдет другие настолько же досадные сбои.

Упрекать переводчика и издателя за невыдержанные академические стандарты текста, наверное, не стоит. Издание, кажется, и не претендовало на научную строгость, ни переводное, ни исходное английское. Книга тем не менее полезна как многообещающий набросок, способный дать много полезных интуиций не только социологам спорта, но и более фундаментальным направлениям социологии и антропологии, сосредоточенным на ритуалах, познании и связях между ними.

Библиография

- Гирц К. (2018) *Глубокая игра: Заметки о петушиных боях у балийцев*, М.: Ад Маргинем Пресс.
- Зиммель Г. (1996) *Общение: Пример чистой, или формальной социологии*. Зиммель Г. *Избранное. Т. 2. Созерцание жизни*, М.: Юристъ: 486-500.
- Клейст Г. (1977) О театре марионеток. Клейст Г. *Избранное: Драмы, новеллы, статьи*, М.: Художественная литература: 212-218.
- Кричли С. (2017a) *Книга мертвых философов*, М.: Рипол Классик.
- Кричли С. (2017b) *Боуи*, М.: Ад Маргинем.
- Рум А., Колесников Л., Пасечник Г и др. (1978) *Великобритания: Лингвострановедческий словарь*, М.: Русский язык.
- Connor S. (2011) *A Philosophy of Sport*, London: Reaktion.
- Elias N., Dunning E. (1986) *The Quest for Excitement: Sport and Leisure in Civilizing Process*, Oxford: Blackwell.
- Liebersohn H. (1988) *Fate and Utopia in German Sociology, 1870 — 1923*, Cambridge: MIT Press.
- Morris Ch. (2018) What We Think About When We Think About Football, by Sicmon Critchley, *When Saturday Comes*. No 371. January.
- Sartre J-P. (2004) *Critique of Dialectical Reason. Vol. 1. Theory of Practical Ensembles*, London, New York: Verso.

References

Connor S. (2011) *A Philosophy of Sport*, London: Reaktion.

Chritchley S. (2017a) *Kniga myortvyh filosofov [The Book of Dead Philosophers]*, Moscow: Ripol Klassik.

Chritchley S. (2017b) *Bowie*. Moscow: Ad Marginem.

Elias N., Dunning E. (1986) *The Quest for Excitement: Sport and Leisure in Civilizing Process*, Oxford: Blackwell.

Geertz C. (2018) *Glubokaja igra: Zametki o petushinyh boyah u baliitsev [Deep Play: Notes on Balinese Cockfight]*, Moscow: Ad Marginem Press.

Kleist H. (1977) О театре марионеток [On the Marionette Theatre]. Kleist H. *Izbrannoe: Dramy, novelly, stat'i [Selected Works: Plays, Novels, Articles]*, Moscow: Hudozhestvennaya literatura: 212-218.

Liebersohn H. (1988) *Fate and Utopia in German Sociology, 1870–1923*, Cambridge: MIT Press.

Morris Ch. (2018) What We Think About When We Think About Football, by Sicmon Critchley, *When Saturday Comes*. No 371. January.

246 Room A., Kolesnikov L., Pasechnik G. et al. (1978) *Velikobritaniya: Lingvostranovedchaskiy slovar' [Great Britain: Language and Culture Dictionary]*, Moscow: Russkiy Yazyk.

Sartre J-P. (2004) *Critique of Dialectical Reason. Vol. 1. Theory of Practical Ensembles*, London, New York: Verso.

Simmel G. (1996) Obschenie: Primer chistoy, ili formalnoy sotsiologii [Sociability: An Example of Pure, or Formal, Sociology]. Simmel G. *Izbrannoe. Tom 2. Sozertsanie zhizni [Selected Works. Vol. 2. The View of Life]*, Moscow: Yurist: 486-500.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Титков А.С. (2018) Петушинные бои на «Энфилде»: Анатомия ритуала познания. Рецензия на книгу: Кричли С. (2018) О чем мы думаем, когда думаем о футболе, М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус. *Социология власти*, 30 (2): 231-246.

Titkov A.S. (2018) Cockfights at Anfield Stadium: Anatomy of Epistemic Ritual. Review: Critchley S. (2018) What We Think When We Think About Football, Moscow: KoLibri, Azbuka-Atticus. *Sociology of Power*, 30 (2): 231-246.

Поступила в редакцию: 15.06.2018; принята в печать: 17.06.2018